УДК 340.15 DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-3-17-37

ИЗ ОПЫТА ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ УБЫХОВ И ЗАПАДНО-АДЫГСКИХ ОБЩЕСТВ С ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ФОРМОЙ ПРАВЛЕНИЯ СЕРЕДИНЫ XIX ВЕКА

Кишмахов Магомет Хаджи-Бекирович кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Карачаево-Черкесский госуниверситет (369200, КЧР, г. Карачаевск, ул. Ленина, д. 29). E-mail: kishmakhova_a @ mail. ru

Аннотация

Статья посвящена анализу состояния общественных и правовых отношений в среде убыхов и западных адыгов с демократическим устройством жизни в недавнем прошлом (XIX в.).

Ключевые слова: *убыхи; адыги; родовая и сельская община; общественное устройство и правовые отношения; сословные и социальные признаки общества; феодализм; демократия.*

Вопросы политического устройства и общественных отношений у горцев Кавказа изучены во многих работах авторов периода Кавказской войны [1; 2; 3; 4; 5], а также в пореформенное царское время [6] и в начальный период становления советской власти [7; 8]. Ряд из них посвящены западно-кавказским горцам – убыхам и их соседям, адыгским демократическим народностям абадзехов, шапсугов и натухайцев.

Однако в советское время, если и исследовались вопросы общественного и правового положения народов царской России, то только с точки зрения отрицания их прошлого, разрыва с предшествующим опытом социальных и правовых отношений народов. Они были признаны «классово чуждыми» новой власти трудящихся [9, с. 300], и неприемлемыми в правовом устройстве жизни советского общества.

В частности, в отношении убыхов и их соседей по кавказскому Причерноморью общественные и правовые отношения в работах многих очевидцев, в основном военных, считались «не цивилизованными» или «дикими». Такая оценка общественных отношений у горцев, на наш взгляд, оценивалось в большей мере не с научной точки зрения, а с целью оправдания колонизации их земель. Однако были и наблюдатели из числа иностранцев (Белл, Лонгворт, Спенсер и др.) и российских исследователей (Кучеров, Леонтович, Ковалевский и др.) трезво и объективно рассматривавшие общественные отношения у горцев Кавказа. При этом ни в царское и ни в советское время не приводилась сколько-нибудь сравнительная оценка правоотношений в окружающем их мире того времени, где по ряду вопросов культуры (в широком понимании этого термина) общественные отношения между различными социальными слоями были гораздо хуже, чем в западно-кавказских обществах.

В плане сказанного примечательны и научные статьи А. В. Фадеева (от 1935 г.), Л. И. Лаврова (от 1968, 2009 гг.), Ш. Д. Инал-ипа (от 1971 г.) и ряда других ученых, которые на основе архивных документов вкратце остановили свое внимание на исследовании указанных вопросов в среде убыхов.

А. В. Фадеев, например, следуя провозглашенным принципам марксизма-ленинизма, отмечал, что убыхи не представляли собой этнически однородную массу. Они подразделялись на несколько племенных обществ: вардане, сасше, хизе, субаши, алань и др., «отличавшихся друг от друга по территориальному, экономическому и политическим признакам и сохранявших некоторые лингвистические особенности».

Первые два общества были «передовыми в смысле экономического и социального развития», жили в приморской зоне, у них лучше было развито земледелие и плодоводство и активно занимались торговлей с купцами из Турции. Остальные подразделения убыхов населяли нагорную полосу и были заняты «по преимуществу скотоводством». Они, по его определению, к началу столкновения с царскими войсками в плане развития общества, «не освободились от скорлупы родоплеменного строя» и «не имели феодальных отношений» [10, с. 137 – 138].

Довольно сомнительны его характеристики относительно развития убыхского общества. Во-первых, он считал (судя по «Архиву Маркса и Энгельса», т. I, 1924 г., стр. 284), что у убыхов даже не завершился процесс формирования племен, а «примитивная родовая организация» только что «уступила свое место сельской общине». Во-вторых, уничижающей, но не вполне справедливой, критике подверг он и убыхские сословные отношения и термины *князь*, *дворянин*, *крестьянин*, *раб*, которые якобы не «вышли за пределы патриархальных (домашних) форм». Также «нет оснований», – писал он, – называть знать убыхов «дворянством», как это принято «в русских официальных документах и в трудах буржуазно-дворянских историков и лингвистов (Услар, Берже, Дирр и др.)» [10, с. 138 – 139].

В конечном счете, разбирая значения сословных названий, он приходит к выводу, что «у убыхов не существовало обособленных специальных терминов для определения понятий, свойственных сословно-феодальным отношениям. Это не может не служить выражением того, что подобные отношения у убыхов были, по крайней мере, слабо развиты» [10, с. 140].

И все же Анатолий Васильевич в своем исследовании приходит к окончательному выводу: «Мы имеем у убыхов свободных и рабов, имеем богатых и бедных, имеем, следовательно, налицо личную зависимость и эксплуатацию, но все это покрывалось внешней оболочкой общинных порядков и сохранившими в немалой степени свою силу патриархально-родовыми традициями. В сочетании феодальных элементов с рабством и патриархально-общинным укладом и заключается специфика социальной структуры убыхского общества» [10, с. 141]. Как он отмечал, и у соседей убыхов – абадзехов, шапсугов и садзов (джигетов) слабо были развиты общественные отношения, чем в Абхазии и Кабарде.

В отдельных случаях неоспоримы утверждения А. В. Фадеева. Однако со многими его выводами нельзя согласиться по ряду методологических причин. Слишком уж он утрировал значения социальных терминов, якобы на деле не существовавших у убыхов, низвел их общественные отношения до племенных, до уровня родового общества доисторических времен. При этом предано забвению, что убыхи в составе Абасгского (Абхазского) царства по социальной лестнице прошли этап раннего феодализма с VIII-го по XIII-й века. В дальнейшем убыхи, как и жившие рядом народности, 200 лет находились под влиянием общественных порядков татаро-монгольской орды, затем 3,5 столетия они несли на себе тяжесть ярма персов, турок-османов и их вассалов из Крымского ханства, от которых были восприняты восточные отношения. А развитие культуры и быта убыхов и родственных им народов в течение столетий фактически находились в «замороженном» состоянии, в лучшем случае – в состоянии «ни войны и ни мира».

Между тем, как отмечают источники, в середине и конце XVIII века они вместе с соседними абадзехами, шапсугами и натухайцами, сбросив оковы Крыма (1747 г.) и собственной княжеской власти (1796 г.), перешли на демократические основы отношений в обществе. Отношения в обществе были построены таким образом, что Сен-Симон бы во Франции со своими социальными проектами, как подчеркивали иностранные очевидцы (Лонгворт, Белл, Спенсер и др.), позавидовал бы их демократии времен средневековой Германии. Да, не было у них оформившейся государственно-

сти, жили они сельскими (но не родовыми) общинами, высшей властью были народные собрания, споры и преступления разрешались судами присяжных из числа многоопытных и мудрых старейшин или кадиев по адату, в ряде случаев – шариату. Общество было разделено на различные социальные слои. Оно состояло отчасти из князей и в основном из дворян. Большинство народа представлено было свободными общинниками (азатами). Имелись зависимые крестьяне и рабы двух категорий – домашние из своих соплеменников, и рабы, захваченные в войнах из числа иных народов, подлежавших продаже.

Не хочется далее развивать эту тему по той простой причине, что это предмет особого рассмотрения, и рамки нашей работы не позволяют доказательного рассмотрения многих аспектов этой важной проблемы. Поэтому в одной из своих работ нами было отмечено не во всем верный, с методологической точки зрения, подход А. В. Фадеева к сравнительному изучению опыта общественного строя и правовых отношений убыхов и их соседей. Мы считаем и сегодня, что его выводы носят по большей части «модный в годы сталинизма формационный, к тому же вульгарно интерпретированный, подход к изучению социально-экономического и культурно-политического развития убыхского общества» [11, с. 6].

Несколько сдержанно от выражения крайних суждений и, на наш взгляд, более объективно относительно убыхских общественных отношений высказались исследователи Л. И. Лавров и Ш. Д. Инал-ипа.

Л. И. Лавров, видный ученый-кавказовед, уроженец Кубани, тонко впитавший в себя быт горцев с детских лет, не без давления на него столпов «диктатуры пролетариата» и сталинского режима (запрет на издание его монографии «Убыхи» в 1937 г.) все же осторожно коснулся вопроса социального строя убыхов. Он считал, что «род не был господствующей социальной организацией убыхов в XIX в.», до столкновения их с царским режимом, до 1830-х гг. у них «высшей общественно-экономической организацией была сельская община, объединявшая обычно все население одного или нескольких ущелий. Высшей властью являлось общее собрание взрослых свободных мужчин общины или, заменявшие его, собрание совета старейшин. В компетенцию таких собраний, насколько мы знаем, входили вопросы войны и мира, важные хозяйственные решения, избрание общинных старейшин и судебные дела, которые зачастую происходили у культовых мест (священные рощи и мечети)». По Лаврову, «XIX век застал убыхское общество разделенным на четыре сословия»: на рабов (*хьалайк* – "рабыня", *кадъера* или *аккер* – "мужчина-раб"), которых у них было больше, чем у абадзехов, джигетов и шапсугов; крепостных крестьян, посаженных на землю (*геры*), мало отличавшихся от рабов; свободных общинников (*вагъышв*), которые были «самой многочисленной группой убыхского населения»; и на «высший слой убыхского общества», коими являлись дворяне (*куашхъа*). Убыхские «куашхъа, – как отмечал Л. И. Лавров, – благодаря своему богатству и численности, пользовались в общественной жизни большим влиянием, чем оркъи» (дворяне) соседних адыгов, которые «находились в некоторой зависимости от более высокого сословия пши (князей)». «К числу куашхъа принадлежали следующие убыхские фамилии: Аблагу (на Саше), Берзеки (Верхняя Убыхия и Субешх), Чизымогуа (на р. Псахе), Дзепш (на Вардане) и Хамыш (на р. Хоста). Куашхъа имели немало рабов и крепостных. Многие из *вагъышвей* также являлись рабовладельцами и крепостниками. Но производственные отношения в Убыхии первой половины XIX века оставались раннефеодальными, так как основная масса ее населения принадлежала к формально свободным общинникам» [12, с. 18 – 21].

Между тем источники XIX в. (Торнау, Берже и др.) отмечают, что отдельные общества возглавлялись князьями (по-убыхски *хə* – князь, словарь Дирра). К ним принадлежали некоторые владельцы местности Саше – Облагу (или Аубла), ущелья

Дагомыса, Убыхской поляны и верхней Убыхии – Берзеки, урочища Хосты и Хуорты – Хамыши и др. Основная же масса убыхского общества, как признает тот же Берже, не имела князей. Видимо, некоторые представители знати, обладавшие титулом князей до переворота 1796 года, отказались от княжеской власти, когда произошла кровопролитная Бзиюкская межадыгская битва, после чего абадзехи, шапсуги и натухаи вместе с убыхами перешли на демократическое устройство общества.

Абхазский ученый историк, этнолог и литературовед Ш. Д. Инал-ипа в своем исследовании этнокультурных особенностей убыхов обозначил те же социальные институты народа, сословные их различия и «пережитки общинно-родового строя, большой семьи и других патриархальных порядков», что и у Л. И. Лаврова. При этом он заметил, что «С точки зрения общественного развития Убыхия являлась типичной страной, так называемого горского феодализма. В социально-экономическом и политическом отношениях убыхское общество отличалось большей сохранностью ранних, архаических форм по сравнению с более феодализированной Абхазией» [13, с. 294 – 296].

Лучшей же иллюстрацией для непредвзятого изучения состояния развития убыхского общества и их ближайших соседей по Западному Кавказу в середине XIX века может служить, как нам представляется, работа А. А. Кучерова, юриста по образованию, штатного смотрителя Екатеринодарского войскового училища, бывшего судьи Екатеринодарского окружного суда и войскового старшины. В 1846 году согласно поручению временно командующего Черноморской кордонной линией ген.-м. Рашпиля, на основании показаний старшин аулов, он составил обобщенный сводный правовой документ о народных обычаях и общественных отношениях убыхов и нескольких других западно-адыгских обществ.

В его работе *«Сведения о народных преданиях и обычаях горских народов»* от 10.08.1846 [14, с. 97 – 140] освещены значительно больший круг вопросов устройства жизни убыхского общества до их выселения в Османскую империю. И, на наш взгляд, его работа с большей объективностью отражает состояние правоотношений между различными слоями убыхского общества того времени, состоит из семи разделов и 86 параграфов*.

В первом разделе работы *«О разных родах сословий, различии и преимущественном праве, им присвоенных. Обязанности и взаимные отношения сословий»* автор подразделяет «хамышейское, черченейское, хатикосийское, темергойское, мохошское и бесланеевское» народности западных адыгов на сословия «князей, духовенство, простой свободный народ и крепостных людей; а абазехское, шапсугское, натухайское и убыхское имеют только сословия дворян, духовенство, простой свободный народ и крепостных людей» (§ 2).

Он указывал, что все они «исповедуют религию магометанскую и, в сущности, не признают никакой власти над собою, но, живя обществами, следуют правилам аристократического и демократического правлений» (§ 3).

Ни одно сословие не имело «твёрдых основных прав, преимуществ и обязанностей». Таковые «усвоены каждым из них народными преданиями», которые были приняты издревле. Все лица, принадлежавшие к одному из их сословий, «пользовались правом, оным присвоенных, с нижеследующими ограничениями: каждое лицо пользовалось правом сословия своего в особенности не прежде, как по достижении совершеннолетия», с шестнадцати лет, «в эти лета он может располагать своим имуществом, вступать в брак, договоры и обязательства без всякого попечительства; до достижения же сих лет состоит под попечительством и не может располагать собою

* Анализ работы А. А. Кучерова дается в сокращенном варианте, в ряде случаев в прошедшем времени, с сохранением стиля, где это возможно, и принципиальных положений. – М. К.

и своим имуществом[*]. Женский пол может вступать в брак 14 лет и даже 12-ти, и с сего времени принято их совершеннолетие». Однако располагать имуществом, делать какие-либо договоры и обязательства «женскому полу у черкес никогда не предоставляется, потому что у них жёны, как и у всех магометан, покупаются мужьями за известную плату отцу невесты, называемую калым» (§ 3).

Мужчины всех сословий, по А. А. Кучерову, могли иметь «от одной до семи жён законных и семь наложниц, лишь бы в состоянии был содержать оных». Законными признавались «жёны, которые венчаны с мужчиной муллою, а наложницы – те, которые не венчаны. Дети, рождённые от законных жён, считаются законными наследниками, рождённые от наложниц почитаются незаконными и не имеют права на наследство» (§ 3).

Жена, если осталась вдовой, могла выходить замуж «вторым и третьим браком … за родных и двоюродных братьев, умерших своих мужей, если сии есть и пожелают на них жениться, а если оных нет, то могут жениться на них племянники мужей их и другие родственники» (§ 4). Такая практика (левирата и сорарата) в отношении вдов и не женатых мужчин существовала вплоть до 1930-х годов у всех абхазо-адыгских народов, как и, впрочем, у ряда других горцев Кавказа. Этот обычай был связан, главным образом, чтобы малолетних детей до их совершеннолетия не оставить сиротами – без отца и матери, что имело огромное социальное значение в воспитании подрастающего поколения.

Во втором разделе А. А. Кучеров рассматривает *права князей и дворян*. Князей имели все адыгские аристократические этнические группы. У обществ с демократическим устройством, – абадзехов, шапсугов, натухайцев и убыхов были только дворяне разных степеней (§§ 6, 7). Однако первостепенные дворяне аристократических обществ по своему положению стояли ниже по социальной лестнице, чем первостепенные дворяне демократических обществ. Как указывал Кучеров, аристократические «первостепенные дворяне» почитаются «всегда ниже князей и первостепенных дворян» абадзехов, шапсугов, натухайцев и убыхов; «второстепенные же и третьестепенные дворяне во всех сие племенах существуют на одних правах с весьма небольшим различием». Например, – подчеркивал Кучеров, – «в народных собраниях шапсугские, абазехские, убыхские и натухайские дворяне имеют преимущество» пред прочими дворянами других народностей (§7).

Довольно интересными были брачные союзы среди знати и остального населения. Кучеров особо выделял, что «Дочь дворянина, выходящая в замужество за не дворянина, сохраняет своё состояние, но мужу и детям оного не сообщает. Вдова дворянина, какого бы она ни была происхождения, сохраняет состояние, через сей брак ею приобретённое, хотя бы впоследствии она вышла замуж за не дворянина, но мужу и детям своего состояния не сообщает. Впрочем, принято за правило: мужчины должны избирать себе жён одного с ними сословия, а потому редко случается, что князь женится на дворянке, а дворянин – на простой» (§ 9).

Никто у закубанских и причерноморских народов из числа духовенства, свободного народа или крепостных крестьян не мог присвоить себе дворянское достоинство. «Оно не присваивается ни за личную храбрость, ни за опытность и благоразумие в советах, словом ни [за] какие услуги» (§ 10).

Князь аристократических народностей пользовался полной свободой и был независим в своих действиях. Как отмечал Кучеров, жители покровительствуемых им аулов, признавали в некоторой степени «над собою власть его», и он пользовался «особенным и отличным уважением не только простого народа, но и всех низших

[*] Впрочем, жениться молодым мужчинам у черкес считается неприличным, а обычно имеют они право на сие без порицания в 22 года. Прим. авт. док.

дворян и духовенства». Князь почитался «владельцем покровительствуемых им аулов и земель», принадлежавших им, которые признавались его собственностью, хотя не имел права распоряжаться «жителями оного и их имуществом по своему произволу. Священною обязанностью поставляет князь для себя доставлять жителям оного удовлетворение от обидчиков их и, во всяком случае, сохранять целость оного» (§ 11). Такими же правами и обязанностями были облечены первостепенные и иные дворяне убыхов и других демократических обществ.

Князья и дворяне имели крепостных людей и «их имуществом» распоряжались неограниченно. Крепостные переходили владельцу «по наследству от своих предков» и именовались «родовыми». Они приобретались «также покупкою от других владельцев, но в том и другом случае без земли, которая у горцев считается общею, неделимою и никому в собственность не принадлежащею». Знать увеличивала крепостных «пленными, захваченными в разных случаях у своих одноплеменников и единоверцев; сии крестьяне называются благоприобретёнными. Владельцы делают между ними суд и расправу сами, без участия других лиц, употребляют в работы по своему произволу, продают и дарят, кому пожелают, семействами и раздробительно, даже могут лишать жизни и за сие не подвергаются никакой ответственности». Как свидетельствуют отечественные и иностранные очевидцы, участники Кавказской войны (Торнау, Карлгоф, Раевский, Белл, Лонгворт и др.), у приморских горцев, в особенности у убыхов было много крепостных и рабов из числа русских военнопленных, в основном поляков, многие из которых были проданы в Османскую империю. Убыхи и их соседи проявляли заботу о благосостоянии, как своих крепостных, так и захваченных в противостоянии с соседями в период Кавказской войны, защищали их от сторонних обид, доставляли им всевозможные способы к безбедному существованию и пропитанию. Большую заботу владельцы проявляли и в отношении малолетних сирот, оставшихся без родственников. Они брали их «на собственное своё содержание» (§ 12).

Во время народных собраний и совещаний князья занимали почетные «места по старшинству их родоначальников; после них таким же порядком первостепенные и низшие дворяне». Разумные предложения князей уважались и принимались «преимущественнее первостепенных и низших дворян в исполнение, хотя, впрочем, и сих нередко» принимались советы собранием или старейшинами за окончательное решение, в особенности, когда они были обоснованы (§ 13).

Князья не имели всё подавляющей власти над дворянами, духовенством и простым свободным народом. Однако эти сословия повиновались им из уважения к высокому их титулу, «которое ниспослано им, как они верят, от самого Аллаха, и сие оказывают они более тому из них, который приобрёл славу своим умом, мудростью в советах, справедливостью, честностью, бескорыстием, прямодушием и храбростью». Таким князям дворяне и всё остальное население повиновалось «слепо, и воля его или приказание – для них закон». Низшие дворяне таким преимуществом не пользовались, хотя имели право на «уважение духовенства и простого народа». Крепостных людей, которых они приобретали, «как князья и первостепенные дворяне, низшие дворяне распоряжались совершенно по своей воле, подобно сим последним» (§ 14).

Князья обладали исключительным правом перед остальными сословиями, пользовались «лучшими местами для пастбищ своего скота на всём пространстве земли», на которой жительствовали. Вблизи аула они пользовались и правом обрабатывать для себя удобной для хлебопашества землей и сенокосом. Лес же, принадлежавший аулу, «жители оного для своих потребностей» могли рубить, но если они рубили «для промена на меновых дворах», то они это делали «с дозволения князья, и по промене оного» давали «ему за сей лес известный калым (дань)». Дань платили солью, или «продуктами, какие получают на меновых дворах». Жители других аулов

не имели право рубить лес, не принадлежавший им, «кроме [как] по приглашению их». Дворяне и духовенство, жившие в покровительствуемых князьями аулах, так и в других, за промен леса и других своих продуктов на меновых дворах не облагались никакой данью (§ 15). Для контроля количества промениваемых продуктов или леса, и для верного получения дани, каждый князь или дворянин назначал своего доверителя за ходом торговли в меновых дворах, «который ему по сей обязанности» и отчитывался (§ 16).

Владельцы аулов (в демократических аулах это были в основном дворяне) работы по хозяйству производили крестьянами своими, «но для пахания земли, жатвы хлеба и сенокоса, а иногда рубки и вывоза леса» приглашали и «свободный простой народ покровительствуемых ими аулов». На работы народ выходил «с собственными волами, арбами и нужными рабочими орудиями». Продовольствовались тем, что привезет владелец, на кого они работали. Он обязан был доставить им «таковое в изобилии и лучшего качества» (§ 17).

С незапамятных времен (так выражались черкесы[*]) у всех горцев принято было одаривать «чем-либо своего гостя и угощать его, чем только может хозяин и имеет лучшего». В качестве подарков преподносились: лошади, быки, волы, козы, овцы, оружие, лук с колчаном и стрелами, панцирь, богатое одеяние, конская сбруя, которая была богато украшена серебряным набором, с золотою насечкою и под чернью (что они отделывали довольно превосходно и с особенным свойственным им вкусом). Волов дарили с арбами. «Сие преимущество делается таким гостям, которые приезжают из других племён и дальних аулов». Что же касается своих одноплеменников, которые бывали «в гостях один у другого», то они не одаривались особенными подарками. Обычно гость приезжал с несколькими родственниками или близкими знакомыми «дней [на] шесть и более, и хозяин обязан [был] угощать наравне со своими приятелями и всех с ним приехавших, а старшему из них дарил что-либо. Гостеприимство сего рода и этикеты оного наиболее и в точности соблюдаются между князьями, первостепенными и прочими дворянами». «Гость их даже имеет право требовать себе у хозяина понравившуюся ему лошадь или какую-либо вещь, и хозяин в сем требовании его не может ему отказывать; иначе отказ считается обидою и порождает между ними неудовольствие, вражду, непримиримую злобу и, наконец, мщение … Даже если требуемой гостем лошади или вещи нет у хозяина, а имеется у простого черкеса покровительствуемого им аула, то он обязан доставить ему оную; но выполнить сие может только князь, которому издревле усвоено право брать самопроизвольно у простого свободного народа, покровительствуемых ими аулов, понравившееся их гостям или им самим что-либо из оружия и вещей или несколько лошадей, быков и баранов для подарков своим гостям и угощения их; чего дворяне делать не могут». Было принято также, что заимствованный у кого-либо подарок обязательно восполнялся заимодателю равноценным предметом или живностью, в зависимости от договоренности, и крайне редко заимодатель оставался в обиде (§ 18).

Гостеприимство считалось «первейшею добродетелью». Гость, «кто бы он ни был, есть особа не прикосновенная, а если кто-либо из сторонних дерзнет причинить ему обиду, то хозяин принимает её более себе за обиду, нежели бы нанесена была ему прямо, и обязан доставить ему удовлетворение с обидевшего непременно, хотя бы это стоило крови» (§ 19).

Владельцы аулов обычно временами сами делали безвозмездные подарки своим дворянам и простым почётнейшим жителям, покровительствуемых ими аулов. Это делалось с тем, «чтобы расположить их и привязать более к себе». Такое отноше-

[*] Здесь автор употребил этот термин в расширенном значении, в том числе и в отношении убыхов.

ние к жителям аулов было принято и у первостепенных и у низших дворян «с одинаковой целью» (§ 20)*.

В обязанность владельцев, князей или дворян, входило «прекращать между жителями покровительствуемых ими аулов всякого рода ссоры и возникающие неудовольствия, удерживать их в добром согласии и дружестве, а за обиды, им причиняемые жителями других аулов» они искали методы «удовлетворения» (§ 21).

Из числа князей или дворян всех степеней, «кто пожелает выучиться грамоте турецкой, изучит хорошо алкоран и все правила в подробности религии магометанской», мог принять сан духовного лица, «но сие очень редко» случалось (§ 22).

Князья и всех степеней дворяне за обиды, которые им причинялись, получали «по суду от обидчиков своих вознаграждение большее, нежели люди других сословий» (§ 23).

Различного рода нарушения правил общежития разбирались «только князьями и первостепенными дворянами», а лица простого «звания в сем участвовать» не могли. (§ 24).

Знать не платила «никому никакой подати, и ни за какие преступления, ими сделанные, не лишаются, по черкесским обычаям, своего достоинства, ответствуют за оные штрафы, какой судом будет определён» (§ 25).

В разделе третьем *о духовенстве* Кучеровым зафиксированы классификация духовных лиц, порядок их соподчиненности и обязанности каждого из них.

В частности, духовенство у убыхов и западных адыгов были представлены эфендием или кадием. Остальные низшие должности занимали старший мулла (соответствующий русскому благочинному священнику), мулла (священник), муэдзин (диакон), который голосом созывал на молитву, и их прислужники, или причетники, сафта (дьячок), иджаго (пономарь). «Все сии лица исполняют правила, предписанные им в алкоране, и признают над собой власть верховного муфти (митрополит-архиерей) – главы магометанского духовенства» (§ 26).

Духовным лицом мог стать любой желающий «из всех сословий, даже из крепостного, по дозволению владельца**, если только научится турецкой грамоте читать и писать, алкорану и узнает твёрдо все правила магометанской религии». Лица княжеского и дворянского сословий весьма редко претендовали на какую-либо духовную должность, даже на роль эфенди. На эту должность всегда претендовали люди «из простого свободного народа, которые, достигши звания муллы, пользуются уже правами дворянина» (§ 27).

Достоинство эфенди присваивалось «верховным муфти – главою магометанского духовенства, живущим в Константинополе, таким только муллам, которые сделались известными довольно твёрдым и подробным знанием алкорана, неколебимым в правилах магометанской религии, сведущим даже в политике магометанской и получившим достаточное образование в турецких училищах» (§ 28).

«Эфенди и мулла», независимо от их происхождения, пользовались особенным уважением и доверием народа. «Муэдзин же, сафта и иджако подобным уважением» не пользовались (§ 29).

---

* Надобно сказать, что черкесы вообще жадны на подарки, а кто больше им таковых делает, к тому они более ласкаются, имеют доверие и некоторую преданность. – Прим. авт. док.

** Владелец отдает крепостного своего мальчика изучиться турецкой грамоте и алкорану всегда с таким предположением, что он, сделавшись муллою, будет всегда возносить тёплые свои молитвы к всевышнему за него и всех его родственников живых и умерших, помня оказанное им ему толикое благодеяние. – Прим. авт. док.

Духовного звания лица, независимо от должности, могли «иметь крепостных людей», которых получали по наследству. Приобретали их и распоряжались ими и «их имуществом, как князья и дворяне» (§ 30).

По существовавшему предписанию, «эфенди и мулла со своими причётниками» отправляли богослужение по правилам магометанской религии. Они обязаны были «непременно участвовать в сражениях», причем «быть всегда впереди и даже предводительствовать оными» (§ 31).

В отличие от нижестоящих священнослужителей, эфенди и мулла обязаны были «иметь только по одной жене», которых они покупали «у низших дворян и у простого свободного народа». По их смерти, они могли «жениться на других и так далее» в том же порядке, каком было принято для остального народа. Остальные священнослужители, при вступлении в должность, могли «быть не женатые, или жениться, бывши уже в сем звании» (§ 32).

Дети духовного сословия имели преимущественное право «получить высшую степень оного». Всё зависело от их желания или нежелания принять сан духовного лица. К этому молодые люди не принуждались, а оставались свободными и пользовались тем социальным статусом, из которого происходил отец, то есть он мог остаться дворянином или простым свободным, «но в крепостное состояние никогда не обращается, хотя бы отец его происходил из оного» (§ 33).

Духовного сословия лица жили в аулах по своему выбору. Если их куда-либо пригласят князья, дворяне и простой свободный народ, то они едут туда на работу и жительство, и «получают для содержания себя и семейств своих определённую плату за совершение духовных треб, и сверх сего, берут дань от каждой мази (дома), а именно:

а) за обрезание младенцев, которое совершают также эфенди и мулла, получают кожи с зарезанного при сем скота и барана на угощение гостей;

б) за венчание, которое совершают эфенди и мулла, … получают: от князя скотом, овцами и лошадьми, сколько он назначит им по своему желанию; от дворянина, простого свободного … и крестьянина – то же самое, но большею частью по одной корове, а иногда даётся и лошадь;

в) за погребение, которое могут совершать эфенди и мулла или муэдзин, получают: за князя или княгиню 30 штук скота и более, или соразмерно сему овцами, а иногда лошадь …; за дворянина и дворянку от 7 до 15 штук скота, соразмерно его состоянию, или одну лошадь; за простого свободного черкеса, крестьянина и женщин сего сословия одну штуку скота, а кто богаче, даёт и более. Сверх сего они получают всё одеяние и обувь покойников, тела которых совместно с муэдзинами, если сии случается быть, обязаны обмыть и обернуть чистым бельём, коленкором или миткалем. Одеяние же и обувь умерших женщин они не получают, а отдаётся таковое тем женщинам, которые обмывают и завёртывают в чистый коленкор или миткаль их тела. За погребение детей мужского и женского пола, умерших до 15-ти лет, не получают никакой платы … За умерших старее 15-ти лет получают выше объяснённую плату соответственно сословию умершего; но если девушка выйдет замуж до 15-ти лет и умрёт, хотя на 13-м году, то за погребение её платится уже, как за женщину;

г) от каждой мази [служители культа] получают сажень дров, арбу сена, десятую мерку каждого рода хлеба, одну овцу из ста штук, одну скотину из 60 штук рогатого скота, одну лошадь из 60-ти лошадей, одну сапётку (улей) пчёл из 10-ти сапёток, десятое яйцо каждого рода, 10-ю луковицу луку, 10-ю головку капусты, а из дворовой птицы, по их просьбе, дают им, сколько кто может.

Эфенди и мулла из дохода, получаемого ими за погребение умерших, каждый одну часть оставлял себе, а две отдавал муэдзину и прочим своим причетникам, ко-

торые они и делили между собою поровну. С прочего дохода эфенди и мулла уделяли часть своим причетникам по своему усмотрению, каждому порознь» (§ 34).

Помимо указанных доходов, «эфенди и муллы» имели «ещё таковой и от спорящих между собою лиц, если решают возникшее между ими дело … по алкорану. Например, изобличённый в воровстве возвращает украденное хозяину и платит эфенди или мулле, кто из них производил суд в виде штрафа: от уворованной им лошади пять рублей, от уворованной коровы и быка один рубль и от уворованных пяти овец рубль серебром. Изобличённый же в убийстве кого-либо, если его самого не убьют родственники убитого, … [платит] штраф, [равный] 200 штукам рогатого скота … эфендию или мулле, производившим суд …; сделавший [же] прелюбодеяние с женою, у которой имеется муж, по изобличении его в сем поступке, платит эфенди или мулле 15 штук скота, если муж её не пожелает, чтобы она наказана была смертью по алкорану. Муж от соблазнителя не получает никакого удовлетворения. Все оные штрафы уплачиваются всегда … большею частью скотом, овцами, лошадьми, а иногда оружием и другими вещами, по неимению у них собственного изобретения денег, приводя всё сие в объяснённую цену. Но кто три раза присягал в чём-либо и не исполняет данной присяги, например, продолжает воровать, тот называется *таабезе* (отъявленный вор), которого убивают непременно, если поймается, – так определено в алкоране» (§ 35).

Все духовные лица пользовались «совершенною свободою». Никто не обязан был «никому никакою данью», никто никому не давал отчёта «о родившихся, браком сочетавшихся и умерших, но совершенные эфендием, муллою и муэдзином каждый такой случай у себя записывал. Документы (отчеты) требовались лишь в случае необходимости «удостоверения законности брака впоследствии: а) при разборе возникающих семейных распрей и разных неудовольствий и, б) при разделе имения между наследниками … Впрочем, все лица духовного звания имеют всегда должное уважение и почтение к князям и дворянам и исполняют их приказания, относящиеся до светских дел; по духовным же делам они не имеют на них никакого влияния» (§ 36).

За совершенные преступления лица духовного сословия судились по предписаниям шариата и подвергались взысканию, «означенному в алкоране по разным родам преступлений. Муэдзин, сафта и иджако судятся муллою, мулла эфендием, а сей муфтием. Если духовное лицо сделает воровство или учинит прелюбодеяние с замужнею или вдовою, и женщиною и девицей, то виновный лишается своего сана и платит за женщину мужу, а когда его нет, то родственнику или отцу её 15 штук, а за девицу отцу или родственнику её 5 штук рогатого скота, а ворованное пополняет хозяину» (§ 37).

В четвертом разделе работы Кучерова были расписаны *права и обязанности простого свободного народа*[*].

Кучеров отмечал, что простое сословие, хотя признает в некоторой степени над собою власть князей в тех племенах, где «сии» существуют, однако она весьма условная. Власть эта не имела «ничего определительного, твёрдого и постоянного; почему и сей класс людей пользуется совершенною свободою во всех племенах и обществах горских народов, можно сказать, наравне с сословиями дворян и духовенства, особенно в тех племенах, в которых не имеется князей» (§ 38).

[*] Здесь карандашом сделана пометка: «О сословии вольноотпущенных (азат). Крепостные люди, приобретшие свободу по воле владельца, по выкупу или же по доказательству, что они неправильным образом были присвоены в рабство, поступают в сословие вольноотпущенных (азат). Права этого сословия в сущности одинаковы с таковыми же простого свободного народа; однако в народных собраниях голос вольноотпущенного значительно меньше других и в общежитии они пользуются меньшим вниманием, нежели коренные твохотли». – Прим. изд. док.

Свободный народ пользовался землею, лесом и другими произведениями в местах жительства. Простые люди занимались по своему выбору или возможностям скотоводством, хлебопашеством, садоводством и др. видами хозяйства. При этом они не платили «ни князьям, ни дворянам и никому никакой положительно подати, кроме обязанности делать только подаяние духовным лицам и давать князьям и дворянам калым за промен на меновых дворах, ими устроенных, леса и других своих продуктов, как сие объяснено выше. Если же сей народ и работает князьям и дворянам в нужное для них время, под покровительством которых он жительствует, то сие делают единственно по приглашению и по доброй воле; работа сия не вменяется ему в непременную обязанность никаким непреложным постановлением» (§ 39).

Хотя знать представляла одно с простым народом племя, и имела некоторое право брать у него по своему желанию что-либо из оружия его, скота, овец и лошадей, ему принадлежащих, они обязаны были взятое возвратить. «Нередко даже случается, что через неудовлетворение князьями за подобные поборы целые аулы сего сословия людей от них отлагаются, ищут покровительства других князей и переходят к ним на жительство, где иногда остаются навсегда, а иногда, получив удовлетворение, возвращаются на прежнее жительство» (§ 40).

«Мужчины сего сословия имеют право жениться только на девицах своего же сословия; жениться же на девицах другого происхождения права не имеют, разве жених уворует невесту по согласию с ней; но сие преступление преследуется, и невеста от похитителя отбирается, когда не будет повенчана; а когда уже будет повенчана, то не отбирается и похитивший платит отцу или родственнику её весьма большой калым. Но девицы сего сословия могут выходить в замужество за дворян и даже за князей; сии последние платят за них отцам или воспитателям их условный калым: но для дворянина, а тем более для князя, жениться на простой девице предосудительно, почему и редко это случается» (§ 41).

По обычаю, «свободный человек, покупая себе жену из своего же сословия, платит за оную от 7 до 15 штук рогатого скота, а достаточный платит за красивую и молодую девицу, ему понравившуюся, от 25 до 100 штук [рогатого скота], или противу сего количества лошадьми, овцами, оружием и конскою сбруею. Но бывает и так, что жениху понравится невеста, а он, не имея состояния заплатить за неё требуемый отцом или родственником её калым, спрашивает втайне её согласия на выход за него замуж и когда она на сие согласится, то он ворует её и отправляется вместе с нею верхом на лошади к мулле, который их венчает. Исполнившим сей обряд, он может уже не платить за неё ничего; но случается, что по доброй своей волей или по приглашению сторонних людей, принявших в сем деле участие, по просьбе отца или родственника невесты, жених обязывается заплатить им присужденный или требуемый калым в то время, когда в состоянии будет, особливо если они бедны, в чём даёт присягу и обещанное в своё время выполняет» (§ 42).

Свободному сословию «предоставлено право иметь крепостных людей, которых они получают по наследству и покупают, распоряжаясь ими и их имуществом по своему усмотрению …, как своею собственностью» (§ 43).

«Свободный черкесский народ имеет голос в общественных собраниях, где обсуждаются о предприятиях к набегам и других предметах, относящихся к народности. В такие собрания обыкновенно отправляются представители сего сословия, по избранию оного, из опытнейших и известных умом людей, которые что предпримут сделать, то народ уже выполняет беспрекословно» (§ 44).

В пятом разделе рассмотрены *права крепостных людей*. В нем отмечается, что повсюду на Кавказе у всех народов имеются крепостные, которых может приобрести любой, «какого бы он сословия ни был, кто только в состоянии их приобрести покупкою или к кому дойдут таковые по наследству» (§ 45).

Люди эти «суть сущие рабы», – писал Кучеров. Они повиновались своим владельцам слепо и исполняли все их требования по их приказанию. Переносили терпеливо все угнетения, «словом, несут все тяготы жизни и не имеют возможности в облегчение своего состояния приносить кому-либо свои жалобы на владельцев», потому они, «какого бы сословия они ни были, владеют и пользуются ими совершенно на одних правах» (§ 46).

Крепостные, по принятому издавна обычаю, работали «для себя и своих владельцев, … из зарабатываемого хлеба и сена, определяют половину для владельцев, а другую для содержания себя с семейством и своего скотоводства, и из своей части хлеба и сена никому ни продать, ни подарить не имеют права без воли своих хозяев. Продавая же или променивая свой скот, лес и другие продукты своего хозяйства и по своему усмотрению, из вырученной за оные суммы, полученной за промен соли и лавочных товаров, обязаны также уделять половину своим владельцам». Кроме того, крепостные женщины и девицы обязаны были выполнять «все работы по дому своего владельца, относящиеся к их полу» (§ 47).

Крепостные люди, хотя пользовались приобретённым ими скотом и другим имуществом, владелец вправе был это всё «от них отобрать и употребить в свою пользу» (§ 48).

Крепостной мог «получить свободу по воле своего владельца и по доказательству о свободном своём происхождении, из которого он неправильно вовлечён в крестьянство. Получив свободу, он остается в сословии простого свободного народа и может поступать в духовное сословие, когда научится турецкой грамоте и алкорану» (§ 49).

Крепостной крестьянин мог жениться на крестьянской девке или вдове «одного итого же владельца с позволения его и за невесту не платит никому никакого калыма». Однако, когда он должен был жениться «на крепостной девке или вдове другого владельца, равно и свободного простого сословия», по причине отсутствия у хозяина таковых, то владелец крепостного покупает для него невесту «и платит … за девицу от 15 до 20 лет 60 штук рогатого скота, или 1000 рублей ассигнацией, а за вдову не старее 30 лет от 30 до 40 штук рогатого скота, и кроме сего отцу невесты или родственнику её, у которого она находится, платит ещё три штуки скота». Аналогично обстояло « дело с «покупкою у другого владельца и крепостных мужчин для своих крепостных девок, но сии платятся уже гораздо дешевле, а именно: за мальчика от 15 до 20 лет платится 15 и 20 штук рогатого скота, от 20 до 30 лет за мужчину платится 25 и 30 штук рогатого скота или 700 рублей» (§ 50).

Горцы, «при покупке невесты из какого бы сословия она ни была», обращали внимание на «её красоту, здоровье, телосложение и знание рукоделий, приличных женскому полу и у них употребительных» (§ 51).

У убыхов и западных адыгов, если крепостной совершил преступление, и он не в состоянии за сделанное им правонарушение уплатить штраф, «то за него платит его владелец и из имения его постепенно возвращает оный себе или отдает его на несколько времени в услужение тому, кому он должен платить штраф». По истечению «условленного времени владелец возвращает его к себе и берет с него присягу не делать более преступлений. Если крепостной человек «сделает преступление во второй и в третий раз, то в таком разе пополняется следуемый штраф из его имения, если таковое он имеет, а если не имеет, то платит оный его владелец; последний его продаёт или променивает навсегда другому владельцу какого-нибудь дальнего племени, либо турецко-подданному. Случается что, такого негодяя владелец никому не продаст и не променяет, а исправления в нём не предвидит, то он лишает его жизни и в таком разе не платит уже за преступление его никакого штрафа» (§ 52).

Крепостные «участвуют в набегах и сражениях не иначе как с дозволения своего владельца, совместно с ним, которых имеет оных при себе как телохранителей своих, что делается им в крайних только случаях. Владельцы дорожат своими крепостными людьми, чтобы иметь через них большую для себя выгоду получения дохода; почему они, в случае сборов горцев к набегу, стараются всячески уклониться, чтобы крестьяне в сем не участвовали (§ 53).

В шестом разделе *об адате и суде по обычаям горцев*[*] подробно изложен порядок осуществления судебного производства. В частности, суды у всех вышеупомянутых в начале статьи народностей, «по древним их обычаям, есть словесное примирительное разбирательство спорящих лиц, по добровольному согласию оных, через избираемых ими судей, посредников их» (§ 54).

Все судебные дела, возникавшие между горцами, подразделялись на гражданские и уголовные. К гражданским делам относились всякого рода тяжбы и ссоры: о праве на земли и угодья; о принадлежности крестьян мужского и женского пола; о праве собственности на движимое имущество; споры по неисполненным словесным договорам и обязательствам и споры за нарушение прав личными обидами, ущербами, убытками и самоуправным завладением; разбирательства о воровстве, поджоге и др. К уголовным делам относились убийства, нанесение ран, изнасилование женщины или девицы, удары плетью или другим каким-либо оружием и явный грабёж (§ 55).

Статьи по всем гражданским делам обязывали виновного ответить «налагаемым по суду на него штрафом или пенею, если не примирится с тем, кому причинил каким-либо случаем обиду; по делам же уголовным ответствует жизнью, а если сыщет возможность укрыться от лица им обиженного или его наследников и родственников, то вина его разбирается судом и за преступление налагается на него штраф, но гораздо больший, нежели по делу гражданскому. По всем оным делам и преступлениям штрафы у горцев заключаются в том, что виновные платят обиженному присужденное судом: рогатым скотом, лошадьми, овцами, оружием, конскою сбруёю, одеянием и крепостными людьми. Если сделавший обиду или преступление так беден, что не имеет чем пополнить присуждённого с него штрафа, то пополняет за него тот, кто принял его под своё покровительство, а он ему таковой уже отрабатывает; если же покровитель его не соглашается на сие, то виновный продается кому-либо из горцев, а большею частью – туркам (когда они имели свободную торговлю с ними), и полученные за него вещи или деньги отдаются обиженному. Телесному наказанию по суду учинивший преступление, какого бы он звания не был, никогда не подвергается» (§ 56).

Особое место у убыхов и их соседей занимали дела связанные с кровной местью, которая была развита в высшей степени и, после первенствующей страсти к воровству, она являлась, как отмечалось во многих работах очевидцев, «второй страстью». Поэтому, отец семейства рассказывает уже детям своим – отрокам о мщении, как о высшей добродетели, … «то есть убийца непременно должен быть сам убит. Сие исполняют наследники убитого и родственники даже до третьего колена».

Часто бывало, что убийца всячески старался захватить хищнически у самого ближайшего родственника убитого малолетнего сына от 4-х до 9-ти лет. В таких ситуациях, убийца тщательно охранял ребёнка у себя, воспитывал его как своё собственное дитя до совершеннолетия, а потом, снабдив его богатым одеянием, хорошим полным вооружением, лучшею верховою лошадью с принадлежностью к ней, возвращал отцу его вместе с подарком ему, который заключался в нескольких штуках рогатого скота или хорошей лошади. «Сей, принимая своего сына, не может не

[*] Слово «адат» озн. «обычай». – М. К.

принять и присланных с ним подарков, как знаков совершённой покорности убийцы, испрашивающего у него прощения, и изъявление к нему дружбы и уважения покровительствующего убийце и воспитавшего его сына; прощает убийцу, посылает взаимно достойный подарок покровителю его и воспитателю своего сына и делается с ним тесным другом, считаясь с сего времени как бы единокровными родственниками[*]. Равномерно отвечают преступники жизнью, если не спасутся подобным образом …» (§ 57).

«Кроме суда по обычаям, горцы с недавних времён ознакомлены турками с судом шариата, … который производится муллою по правилам алкорана. Сколько турецкое правительство, особливо пред началом прошедшей войны с Россией и во время продолжения оной, ни старалось ввести между горцами во всеобщее употребление суд-шариат, для чего разослало было к ним по разным местам нарочитых мулл, но цели своей не достигло. Горцы сначала, хотя и приняли оный, по-видимому, с энтузиазмом, но, увидев впоследствии направленные действия, суждения и злоупотребления мулл, начали мало-помалу отставать от него; так что ныне все возникающие дела между князьями, дворянами и простым народом кавказских горцев разбираются судом по древнему их обычаю (адату). Одно духовенство по делам, между оными возникающим, разбирается шариатом. Впрочем, не возбраняется никому и из другого сословия разобраться в своём деле сим судом: совершенно зависит от воли и согласия спорящих сторон избрать для разбора своего дела суд адат или суд шариат» (§ 58).

Для разбора гражданских и уголовных дел судом-адатом, все вышесказанные горские племена, каждый для себя, назначал из своей среды постоянных судей по 4 – 6 человек из каждого сословия. Они обязывались «присягою по алкорану разбирать и решать дела, возникающие между жителями их общества, каждое в своём сословии, по совести и по крайнему своему разумению», – писал Кучеров. «Сверх сих судей тяжущихся, по своему согласию, имеют право избрать ещё одного общего судью или посредника в своём деле, которые имеют при разборе дела два голоса против одного из означенных судей; он также пред начатием разбирательства дела принимает присягу по алкорану быть совершенно беспристрастным в разбирательстве оного. Впрочем, обыкновение сего нимало не стесняет горцев поручать дела свои разбору судей, избираемых ими по своему произволу для каждого дела порознь, которые, согласясь на сие, принимают присягу по алкорану разобрать предлагаемое дело по совести и беспристрастно» (§ 59).

«Когда спорящие стороны не примирятся между собою сами добровольно, то условливаются, поручить … своё дело разбору постоянным судьям или новых для сего избрать, и по соглашении о сем предварительно назначают каждый для себя по два и по три человека из постоянных судей, большею частью того сословия, к которому они принадлежат, или особенных, заслуживающих доверия, которых и упрашивают быть судьями по их делу». Помимо них, избирался один общий судья, или посредник, … «или поручают разбору дело своё избранным судьям и без такого посредника[**]; но князья и дворяне к разбирательству возникающих между ними дел простых свободных горцев никогда не допускают, считают их недостойными обсуждать их дела, а избирают судей из своих сословий» (§ 60).

---

[*] Сие обыкновение ведётся только между князьями и дворянами, но между простым народом почти не бывает, а убийца сего класса отвечает большею частью своею жизнью; если же избежит смерти от преследующих его и отыщет себе покровителя, то отвечает штрафом по суду. – Прим. авт. док.

[**] Простые и свободные горцы могут избирать и большею частью избирают для разбора дел своих хотя одного судью с каждой стороны из дворян или князей, и сии стараются такое доверие к ним народа поддержать всеми способами, дабы иметь над оным большее влияние. – Прим. авт. док.

«Избранные спорящимися судьи, прежде рассмотрения их дела, требуют от них согласия: довольно ли они будут разбирательством их и решением и не предоставляют ли себе права приговор их, если, по мнению их, он будет учинен ими несправедливо, передать разбору и суждению новых судей, имеющих ими избираться, для сего. … Когда же стороны останутся оным недовольны, и предоставят себе права постановленное избранными ими судьями решение по их делу подвергнуть разбирательству новых судей, то в таком разе стороны присяги не принимают; но судьи приступают к разбору поручаемого им дела» (§ 61).

В сложной жизни горцев на заседаниях судов случалось всякое. Иногда одна спорящая сторона принимала присягу исполнять решение суда, а другая сторона отказывалась принимать присягу. При рассмотрении дела, случалось, что «давший присягу» приговором был не доволен, суд принимал решение «не в его пользу». Независимо от этого, давший присягу, лишался «права подвергнуть оный новому» рассмотрению иным судом (§ 62).

Всё же в жизни имели место повторное рассмотрение дел в судах с другим составом. В таких ситуациях «вновь избираемый спорящими лицами суд можно назвать апелляционным судом … ибо обязанность его есть разобрать точно существо дела, обнаружить справедливость, или несправедливость приговора, сделанного по оному бывшим судьёю, и потом, если оный будет правильным, то подтвердить его, а если – неправильным, то обнаружить, в чем именно, и отвергнуть оный, поставить вновь приговор по переданному их обсуждению дела, основав его на строгой истине и крайнем своем разумении, что исполняют в России высшие суды в отношении решений, учиненных в низших судах, на которых приносят жалобы, называемые апелляционными жалобами, или апелляционными прошениями» (§ 63).

В судебной практике рассматриваемой эпохи бывали обстоятельства, что недовольный приговором, «учиненным избранными им же судьями», предоставлялось право «только один раз подвергнуть» ранее принятое судом решение новому «разбирательству и суждению новых судей». Если недовольный решением суда, «после сего вторичного разбирательства он остался недоволен приговором судей», постановление новое «приводится в исполнение, несмотря на таковое его неудовольствие, и он обязан таковой приговор выполнить в точности» (§ 64).

При разбирательствах гражданских и уголовных дел, «решительный приговор их производятся словесно следующим порядком. Избранные спорящимися сторонами судьи из числа постоянных или особенные, с каждой стороны по равному числу (по 2, по 3 и по 4, сие зависит от произвола спорящих), по выполнении ими и спорящимися обрядов, объясненных в §§ 59, 60, 61и 62, выслушивают жалобу истца или обиженного после оправдания ответчика или причинившего обиду, потом свидетелей того и другого после сего, отпустив их, имеют суждение и, согласив свои мнения о разбираемом ими деле, делают по оному приговор, основывая оный на справедливых доводах спорящихся, а наиболее на свидетельских показаниях, заслуживающих совершенного вероятия и правдоподобия. Такой единогласный приговор свой передают рассмотрению общего посредника тяжущихся, если оный избран, который при их суждении не бывает. Если сей посредник найдёт сей приговор правильным, то изъявляют на оный своё согласие; если же по мнению его оный будет неправильный, то посредник объявляет о сем судьям и вместе с оными уже рассуждает, которые иногда единогласно принимают его мнение и согласно с оными изменяют свой приговор; или некоторые только из судей с ним соглашаются, а другие остаются при прежнем своём мнении. Приговор почитается окончательным тот, который произнес общий судья и с ним согласилось большое число, или, по крайней мере, равное, других судей противу числа судей противного оному мнению. Само собою разумеется, что приговор общего судьи, если с оным не будут согласны мнение судей спорящихся

сторон, или будут согласны менее половины оных, так что и два голоса общего судьи против одного не превысят голосов прочих судей одного мнения, то оный приговор оставляется без исполнения, а почитается окончательный приговор, основанный на единогласном мнении судей и сей приговор объявляется спорящимся лицам и, когда сии изъявят удовольствие, приговор приводится в исполнение; а если которая сторона остается недовольна, то передаётся оный на рассуждение других судей, которые будут недовольными избраны, если только право сие предоставили себе спорящиеся, как сказано в § 61, а если нет, то хотя кто из них и будет недоволен оным, но таковой приговор приводится в исполнение и дело их сим оканчивается, которого уже они и наследники их никогда возобновить не могут» (§ 65).

Кучеров особо подчёркивал, что «суд-адат у кавказских горцев есть не что иное, как словесное мировое добровольное разбирательство, … как и в России производится мировое словесное разбирательство. Суд-адат можно в некоторой степени уподобить и добровольному третейскому суду, в России существующему: ибо существующее право у горцев передавать разбирательства дела вновь избираемым судьям, … можно уподобить формальной записи, которая составляется при Российском добровольном третейском суде (§ 66).

В судебной практике горцев не было производств, когда по решению суда правонарушители подвергались «телесному наказанию». Они отвечали «налагаемыми на них штрафами, которые у них известны под названием головы»[*]. Размеры штрафов определялись «соответственно степени преступления. Например, за убийство князя у шапсугов, абадзехов, натухайцев и убыхов «виновный платит 100 голов, которые судьи разделяют на мокрые и сухие». В уплату штрафа за убийство виновный должен был «поставить крепостных своих людей, лошадей, оружия, конской сбруи, рогатого скота, овец и разных вещей домашнего изделия, что должно составлять, по их исчислению, на российскую серебряную монету, не менее трёх тысяч рублей. За рану и удар плетью или чем другим, причиненные князю и первостепенному дворянину, виновный платит пятьдесят голов; но за убийство первостепенного дворянина у тех племён, где находятся князья, платит виновный только тридцать голов, а за рану и удар, ему причиненные, – пятнадцать голов; сим же штрафом виновный ответствует за убийство муллы и причинённые ему раны и удар. За убийство второстепенного дворянина у всех племён виновный платит пятнадцать голов, за рану и удар, ему причинённые, – семь голов; за убийство третьестепенного дворянина также у всех племён виновный платит пять голов; за рану, ему причинённую, – две головы. За убийство простого черкеса у всех племён виновный доставляет пару волов с арбою и принадлежностью к оной и 25 пустых тулуков, или 15 быков, или крепостного мальчика не менее 12 лет; за рану и удар, ему причиненные, платит третью часть сего штрафа. Подобные же штрафы полагаются за убийство жён, девиц и детей обоего пола из сих сословий, что, однако ж, очень редко случается у горцев. За бесчестье женщины из сословий княжеского, дворянского, духовного и свободного простого народа, причинённое ей насильством, между горскими племенами полагается штраф в пользу мужа её 15 штук рогатого скота; за бесчестье девицы из сих сословий, причинённые ей насильством, взыскивается штраф в пользу отца её или родственника, у которого она находится, пять штук рогатого скота[**]. За бесчестье крепостной женщины, причинённое ей насильством, которое относит владелец её к себе, полагается

[*] Сия «голова» есть у горцев технический термин, которого они на российский язык перевесть не могут, а объясняют так: головы сии разделяются на мокрые и сухие. Под именем мокрых голов разумеется всё живое, а под именем сухих голов всякого рода вещи и оружие. – Прим. авт. док.

[**] У горцев считается более важным преступлением бесчестье насильством замужней женщины, нежели девицы, а потому за женщину определён виновному и штраф больше. – Прим. авт. док.

штраф с виновного девять быков, из которых владелец получает 6, а муж её три быка; за бесчестье крепостной девицы полагается с соблазнителя штраф пять быков, из которых владелец её или родственник, у которого она находится на воспитании, получает два быка. Сообразно сим штрафам налагаются таковые на виновных и за другие преступления, например: вор, если будет открыт, обязан возместить уворованное тому, кому оно принадлежит, и в таком разе остаётся свободным от дальнейшего штрафа …» (§ 67).

Кавказские горцы свободного происхождения пользовались народною свободою, – отмечал Кучеров. За неповиновение же князьям и дворянам своим у них не существовало определённой меры наказания. Вместе с тем существовали некоторые ограничения. Например, «если свободного сословия черкес выходит из повиновения князя или дворянина, под покровительством которых он живёт, то они сами стараются от того воздержать его увещанием и содержанием под арестом. Но, если он не раскается, то может перейти на жительство под покровительство другого князя или дворянина, если только ни он, ни предки его не давали присяги первым оставаться всегда на жительстве под их покровительством, но если таковую присягу он или предки его дали, то подобный переход он не имеет никакого права и обязан оставаться у них на жительстве и им повиноваться. Подобные переходы у горцев, большею частью и всегда почти, делаются тайно – уходом – и в сем только случае ушедший может воспользоваться своим скотом и другим имуществом, в противном же случае остается сие у владельца, от повиновения которого он отстал» (§ 68).

В седьмом разделе рассмотрены были сложившаяся практика правоотношений у убыхов и в демократических обществах адыгов по делам *о наследстве и духовных завещаниях*, которые соблюдались горцами долгие годы, пока не вступили в действие нормы российского законодательства в пореформенное время.

«Наследственное право во всех сословиях у кавказских горцев остается всегда в мужском поле, женский же пол на наследство не имеет никакого права, потому что жёны, как сказано выше, приобретаются мужьями покупкою, – писал Кучеров. – Оно переходит от отца к сыновьям, после смерти его, а если оных нет, то к родным братьям его; если же и сих нет, то к родным племянникам, но когда и таковых нет, то к двоюродным братьям или их сыновьям. Дочери наследуют имение после отца в таком только разе, когда не остаётся у него ни сыновей, ни родственников никаких в мужском колене. Жена же его на наследство вовсе права не имеет, а по смерти его получает то, что он назначил ей из имения своего при женитьбе на ней, на что тогда же, обыкновенно через муллу даёт ей письменное обязательство, в котором поименовывает всё подробно, обязательно хранится у неё, но большей частью у её родственников, и она получает то, что назначил ей муж при смерти своей. Получивши всё оное имение, она до выхода в замужество остается на жительстве при сыновьях своих или возвращается к отцу своему, когда жив он, или к родственникам своим из мужского пола, к кому пожелает. Бывает и так, что муж жене ни при женитьбе на ней, ни при смерти своей не назначил никакого имения, в таковом разе назначение ей оного зависит совершенно от наследников сего имения, или не назначая такового, содержать её прилично при себе до выхода в замужество, а если не выйдет, то и до самой смерти» (§ 69).

Лицо, получившее наследство, обязан был содержать и дочерей умершего прилично …, «до выхода оных в замужество или до смерти, а при выдаче их в замужество, получает за оных себе калым от жениха» (§ 70).

Имения у кавказских горцев имелись двух видов: наследственные или родовые, и благоприобретённые … «Теми и другими владелец распоряжается по собственному произволу, без всякого ограничения, и при жизни своей может оные разделить между своими наследниками и даже приятелями беспрекословно» (§ 71).

В тех случаях, когда владелец имения умер, не оставив духовного завещания, имение его наследовали ближайшие родственники, «как сказано в § 60, разделяя оное между собою по равной части и по соглашению между собою». Один из них брал «на воспитание к себе и дочерей умершего, или каждый по одной и по две, как случится. Кто возьмёт на воспитание всех дочерей умершего, тот получает преимущественную часть имения его» (§ 72).

У кавказских горцев существовало «обыкновение издревле – делать духовное завещание пред смертью, то есть, домашнее духовное завещание, и воля завещателя, в нём объясненная, исполняется свято и нерушимо» (§ 73).

Завещания составлялись редко, но всегда они делались, когда оставались «после них малолетние наследники и когда оных вовсе нет» (§ 74).

По причине отсутствия письменности, «духовные завещания бывают у них большею частью словесные, а иногда и письменные, которые пишет мулла на турецком языке, но те и другие делаются при свидетелях, не менее двух» (§ 75).

Кучеров по поводу завещаний обращал внимание на то, что «завещатель в своём духовном завещании, письменном и словесном, распределяет всё имение своё подробно, по своему произволу, указывая, кому из наследников его какую часть оного получит и что именно на какой предмет из оного употребить. Завещатель назначает в оном душеприказчика, который вместе с сим принимает на себя обязанность и попечителя или опекуна малолетних его наследников, свято обязывается выполнять волю завещателя и, по возрасте наследников, удовлетворить их назначениями завещателем частями. Если завещание составлено письменное, то оное подписывает мулла и он же подписывается в оном вместо завещателя, душеприказчика и свидетелей, если все они не знают турецкой грамоты, если же кто из них знает оную, то подписывается сам за себя только, а вместо прочих подписывается мулла. После сего завещание хранится у душеприказчика, по которому он и выполняет волю завещателя в точности. Если же душеприказчик не исполнит оной, то свидетели обязаны настоять на выполнении завещания и от сего душеприказчик оградить себя ничем не может. Сим же порядком исполняются и словесные духовные завещания» (§ 76).

Если наследники имения были совершеннолетними, «то владелец оного, делая распоряжение по оному в духовном своём завещании, не назначает стороннего душеприказчика для выполнения оного, но возлагает сию обязанность на одного из самих наследников по своему усмотрению, также при сторонних свидетелях этот наследник и обязан выполнить всё им завещанное в точности. Сие также делается и тогда, когда между наследниками есть и малолетние. В сем разе совершеннолетний из них, на которого возложено выполнение духовного завещания, заступает место попечителя и опекуна малолетних, воспитывает их, управляет назначенным им имением до совершеннолетия их, потом отдаёт им оное в полное их распоряжение» (§ 77).

В отношении детей, как и многие авторы XIX века, Кучеров указывал, что они «состоят в безусловном повиновении родителей своих, и воля отца есть для них непреложный закон, пока не достигнут совершеннолетия. В сем возрасте дети имеют уже некоторое право располагать собою: сыновья вступают в брак, а дочери выходить в замужество, но не иначе, как с согласия родителей, в особенности отца, ибо сын, не владея никаким имением, не может заплатить калым за невесту, если отец не даст оного, дочь же он сам продает в жёны тому, кто больше ему заплатит за неё» (§ 78).

Он же отмечал, что «никто из сыновей, достигши совершеннолетия при жизни отца, не имеет права выдела себе части имения, а большею частью все живут вместе с отцом, хотя и вступят в брак, по смерти же его разделяются оным, как сказано выше. Впрочем, есть многие примеры, что сыновья, женившись по соизволению своего отца

и получив от него определённую им часть имения, живут от него отдельно, управляя полученным имением, как собственностью» (§ 79).

Особо указывалось в работе Кучерова, что «сын выполняет в точности приказания отца и не может сопротивляться оным, за не исполнение же оных отец имеет полное право поступить с ним по своему произволу» (§ 80). Отец имел «право непокорных детей его воли, нанесших ему огорчение, лишить совершенно наследства своего и изгнать из своего жилища, не отдавая в сём никому отчёта. Если кто из таковых детей будет противиться отцу, не переставая наносить огорчения, то он нередко, через преданных ему слуг или приятелей лишает детей жизни придуманным, хитро-лукавым способом и за сие не отвечает, если бы и обнаружилось, по распоряжению его они лишены жизни (§ 81). Изгнанные отцом дети ищут себе убежище у знакомых и приятелей, которые, принимая их под свой кров, стараются примерить их с отцом. Примирение сие не иначе бывает, когда будет принесено ими пред родителем чистосердечное раскаяние, и они дадут твёрдое обещание повиноваться совершенно его воле и не наносить ему никаких огорчений, но если отец не пожелает их простить, то ни раскаяние их и никакие сторонние ходатайства не могут его к сему принудить» (§ 82). Дети на родителей, хотя от сих и будут обижены несправедливо, не могут приносить жалобы и требовать от них удовлетворения за обиду, им причинённую, равным образом (дети не могут требовать) и следуемым им из имения частей, если таковых родители сами им не определят» (§ 83).

В отношении женской половины семьи у мужской существовали незыблемые правила. Мужчина, «приобретая себе жену покупкою», становился полным её властелином. Она находилась «в безусловном ему повиновении», не вмешивалась «ни в какие его дела и распоряжения по имению», а занималась только присмотром и воспитанием детей, исполняла все домашние работы, относящиеся к женскому полу… «За то муж обязан содержать её безбедно и охранять от всяких посторонних обид» (§ 84). Жена обязана была почитать и уважать мужа, быть покорною и верною ему по смерть … «За непослушание же и в особенности за нарушение супружеской верности муж имеет право удалить от себя жену свою временно или навсегда к её родителям или родственникам, продать новому любовнику её, если сей открыт, или тому, кто пожелает её иметь у себя женою (§ 85). Если жена, ни в каких дурных поступках не изобличена против мужа, а сей не возненавидит её по собственным своим прихотям, то хотя он имеет право удалять её от себя и приобрести себе другую, но обязан первой доставлять непременно по смерть её содержание» (§ 86).

Прочитав внимательно представленный документ А. А. Кучерова, на ум приходит, скорее риторический вопрос, – кто бы согласился с утверждением, что общественные отношения убыхов и их соседей по Причерноморью в рассматриваемое время были «не цивилизованными» или «дикими», соответствующими периоду родового общества?

С точки зрения взглядов современного обывателя, конечно, в практике общественного устройства и правоотношений убыхов и западно-адыгских демократических народов имелись неприемлемые изъяны. Однако в то далёкое время они соответствовали требованиям эпохи, и следует отметить, что во многих вопросах, не имея в ту пору письменно закрепленных государством законов, их правоотношениям в обществе завидовали даже иностранные очевидцы. Не без их помощи, убыхи, в условиях продолжительной Кавказской войны, смогли объединиться со многими своими адыгскими соседями и прийти к общему убеждению, что им необходимо коренным образом переменить своё политико-правовое общественное устройство. Ярким свидетельством тому явилось создание в июне 1861 года во главе убыхов позднефеодальной формы государственности парламентского типа, которому помешали утвердиться обстоятельства того времени. Кто-то может задаться вопросом, – а име-

лись ли у инициаторов этого образования интеллектуальные силы, которые могли бы не только создать государство, но и поставить его на «твердую ногу»? Вопрос опять риторический, но, тем не менее для сомневающихся следует сказать – кадры, которые бы поставили его на «ноги» были. *Справка*: Из числа изгнанных из исторической родины убыхов в течение первых 80 лет их пребывания в Османской империи выросли и стали министрами, маршалами, адмиралами, генералами, государственными служащими (в их среде и те, которые стали инициаторами создания новой Турции), главами губерний и крупных городов и округов, депутатами парламента различного уровня, дипломатами, учеными, юристами, писателями, актерами театра и кино, журналистами, художниками, бизнесменами, спортсменами с мировым именем и т. д. – 218 человек.

Литература

1. *Люлье Л. Я.* Черкессия. Историко-этнографические статьи. Киев, 1991.
2. *Торнау Ф. Ф.* Секретная миссия в Черкесию. Нальчик, 1999.
3. *Сталь К. Ф.* Этнографический очерк черкесского народа // Русские авторы XIX в. о народах Центрального и Северного Кавказа. Том 1. Нальчик, 2001.
4. *Дубровин Н.* Черкесы (адыге). Краснодар, 1927.
5. *Карлгоф Н. И.* О политическом устройстве черкесских племен, населяющих берег Черного моря // Ландшафт, этн. и ист. процессы на Сев. Кавказе в XIX – XX вв. Нальчик, 2004 и др.
6. *Леонтович Ф. И*. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1883.
7. *Ладыженский А. М*. К вопросу об изучении обычного права // Бюллетень Северо-Кавказского бюро краеведения. 1926. №№ 3 – 4;
8. *Ладыженский А. М.* Адаты горцев Северного Кавказа // Вестник Московского университета. 1947. № 12 и др.
9. *Наумова Г. Р., Шикло А. Е.* Историография истории России. М., 2008. С. 300.
10. *Фадеев А.* Убыхи в освободительном движении на Западном Кавказе. Исторический сборник. Ленинград, 1935. Т. 4.
11. *Кишмахов М. Х.-Б.* Убыхский род Берзек и его абхазо-адыгские родословные ветви. Автореф. дис. на соиск. уч. ст. к. ист. н. Нальчик, 2004.
12. *Лавров Л. И.* Этнографический очерк убыхов // Уч. зап. АдНИИЯЛИ. Майкоп, 1968. Т. VIII.
13. *Ш. Д. Инал-ипа.* Убыхи и их этно-культурные связи с абхазами // Страницы исторической этнографии абхазов. (Материалы и исследования). Сухум, 1971.
14. Архив Одесской научной библиотеки им. А. М. Горького. Д. 54/13.

Kishmakhov Magomet Hagi-Bekirovich, candidate of historical sciences, associate professor of history of Russia, Karachay-Cherkess State University (29, Lenin St., Karachayevsk, 369200, Russian Federation).
E-mail: kishmakhova_a @ mail. ru

FROM EXPERIENCE OF PUBLIC AND LEGAL RELATIONS OF UBYKHS AND THE WEST ADYGHE SOCIETIES WITH THE DEMOCRATIC FORM OF GOVERNMENT OF THE MIDDLE OF THE 19TH CENTURY

Abstract

Article is devoted to the analysis of a condition of public and legal relations among Ubykhs and the western Adyghe with the democratic device of life in the recent past (XIX century).

Key words: *Ubykhs; Adyghe; tribal and rural community; social system and legal relations; class and social features of society; feudalism; democracy.*

УДК 340.158 DOI: 10.22394/2074-7306-2017-1-3-37-41

ФОРМАЛЬНО-ДОГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ПРИРОДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ КОЛЛИЗИЙ В СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Чибизов Владимир Викторович аспирант юридического факультета, Кубанский государственный университет, Заслуженный юрист Республики Адыгея (350040, Россия, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149). E-mail: vchibizov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются подходы к формированию теории юридических коллизий в отечественной юридической науке в целом и в теории права, в частности. Автор показывает, что в советский период основные подходы базировались на одной концептуальной основе, которая заключалась в том, что юридические коллизии имеют объективную основу, а их разрешение и преодоление возможно лишь на основе взаимодействия норм права.

Ключевые слова*: юридические коллизии; советская теория права; юридическая док*трина; формально-догматический метод.

В советском правоведении проблема юридических коллизий рассматривалась крайне слабо. Тем не менее данная тема воспроизводилась в советских юридических публикациях, и можно выделить два основных подхода к данной проблеме.

В рамках первого подхода коллизии рассматривались не как закономерное, но как случайное явление, связанное не с закономерностями развития права, а с погрешностями законотворчества. Это объяснялось тем, что согласно убеждениям советских правоведов советское право характеризовалось высокой степенью системности, что объяснялось отсутствием в нем частного права. Поэтому возникновение юридических коллизий было маловероятным. А если они и имели место, то это лишь подтверждало факт того, что они являлись не характерным явлением правовой жизни советского общества. Так, по мнению некоторых советских исследователей, юридические коллизии имеют место лишь как проявление субъективной стороны правового процесса и имеют частный характер, не требующий тщательного изучения и создания особой правовой сферы – коллизионного права [1; 2].

Между тем необходимо было признать неоднородность советского законодательства, мотивированность его материальной стороны особенностями культуры и образа жизни народов, населявших СССР. Это обусловило содержание второго подхода к проблеме юридических коллизий в советском правоведении. Так, федеративное устройство Советского Союза, совпадение административных границ субъектов федерации с границами проживания в них народов предполагало и некоторую долю самостоятельности их законотворчества, воспроизводящего национальные и куль-